Гу Янье — человек нетерпеливый. Если он чего-то хочет, он должен получить это сразу.

Но ради того, чтобы обмануть Сюй Сяочжэня, он проявил почти неестественное терпение: целую неделю выжидал, наблюдая, как тот медленно сходит с ума от ожидания, сгорая в своей тоске, прежде чем назначил встречу.

Местом встречи был его дом. Удобнее места не придумать.

Когда Сюй Сяочжэнь получил сообщение, у него буквально крылья выросли — он едва не взлетел от радости и тут же бросился в дорогу.

На этот раз он особенно постарался: надел белую майку, поверх — свежевыглаженную белую рубашку, заправленную в светло-голубые прямые джинсы. Белые кеды, белая сумка через плечо — всё выдержано, всё продумано.

Он обычно жил экономно, одежду донашивал до последней нитки — некоторые вещи сшиты-перешиты вручную. Но сегодня был особый день. Ради этой встречи он купил себе костюм из старой распродажи.

На календаре уже ноябрь — его первая зима в Первом секторе. Здесь времена года ощутимее, чем в Восемнадцатом: утром на фасадах домов лежит тонкий иней.

Он даже впервые в жизни намазал лицо кокосовым маслом — от него теперь пахло сладко, пряно, почти съедобно. Словно он — десерт, аккуратный, пахнущий, сам пришёл, чтобы его попробовали.

Скинув обувь, он застенчиво зажал ремень сумки, прошёл вперёд, боясь посмотреть по сторонам.

Разница между ним и Гу Янем снова встала во весь рост. Сюй Сяочжэнь даже не мечтал о таком жилье — ни в бреду, ни в самых светлых фантазиях. Но раз уж тот позвал его сюда, значит, история, которую он так отчаянно пытался воскресить, наконец-то всплыла. Значит, Гу Янь что-то узнал… Или вспомнил.

Сюй Сяочжэнь был счастлив. Он и представить не мог, что когда-нибудь будет так счастлив.

Он столько дней тонул в горе, срывался, ломался — и вот, будто небо сжалилось: само вернуло ему любимого. Сказало — Сюй Сяочжэнь, он не умер. Он здесь. Твой свет возродился!

Даже зная, что настоящее имя Чжоу Яня — Гу Янь, Сюй Сяочжэнь всё равно продолжал звать

его по-прежнему.

Для него Чжоу Янь — это имя, за которым стояла сила, свет, нечто особенное. Такой человек не должен оставаться в тени. И вот теперь — всё сбылось: он может сиять, быть собой. И ему больше не нужно начинать всё с нуля, страдать, голодать, бороться. Только одно тревожило Сяочжэня — захочет ли Чжоу Янь теперь быть с ним?

Он сидел на краешке дивана, будто боялся занять лишнее место. Руки аккуратно сложены на коленях, взгляд потуплен — тише воды, скромнее травы. Словно ждал приговора.

Гу Янь возился за барной стойкой, готовил коктейль. Потом, не торопясь, подошёл, поставил перед ним бокал:

— Тебе.

Сюй Сяочжэнь толком никогда не пил. Да что там — за всю жизнь толком и зерна не пробовал, не то что напитка из фруктов и злаков. Он и представить не мог, каково это — пить вино. Но раз это налил Чжоу Янь… Сказать «не умею» — не смог.

Он осторожно пригубил — кисло-сладкий вкус приятно удивил. Не такой уж и горький, не обжигает, наоборот — немного даже расслабляет.

Бокал был небольшой, а он и сам не заметил, как сделал ещё пару глотков — и вот уже до дна.

Гу Янь молча подвинул свой бокал:

— Первый раз мешал. Вкусно? Если нравится — пей ещё.

Сяочжэнь не мог отказать. Он улыбнулся краешком губ и кивнул, не возражая.

Когда напитки были почти допиты, Гу Янь, наконец, заговорил по делу. Его взгляд потемнел, стал тяжёлым, колючим:

— Можешь рассказать, что между нами было… тогда?

Глаза Сюй Сяочжэня вспыхнули. Он не ожидал, что тот сам захочет вспомнить. Может, Чжоу Янь хочет вернуться к нему? Может, шанс ещё есть?

Он подбирал слова, не зная, с чего начать. Но Гу Янь опередил его:

— Пять лет назад, чтобы получить одобрение отца, я согласился на кое-какие… дела. О них

нельзя было никому рассказывать. Из-за этого меня начали преследовать. Мне пришлось принимать препараты, подавляющие феромоны. Я сбежал в Восемнадцатый сектор.

— Я не знаю, как выбрался оттуда. Не помню, как получил травмы. Очнулся — в больнице. Врачи сказали, что с теми партиями препаратов что-то пошло не так. Побочный эффект — потеря памяти. Вся информация на момент действия лекарства — стёрта.

— Я пытался вспомнить. Было ощущение, будто я забыл что-то крайне важное. Как будто кто-то ждал меня там. Но я не мог вспомнить ни лица, ни имени. Семья говорила, что там ничего особенного со мной не происходило. И со временем я… перестал пытаться вспоминать.

Гу Янь говорил ровно, без нажима. Не оправдывался, но и не прятался. И даже шрам на груди показал — как немое свидетельство того времени.

Шрам тянулся вдоль всей спины — длинный, глубокий. Гу Янь рассказал, что провёл в больнице почти полгода. Едва выжил.

Рана давно зажила, но Сюй Сяочжэнь всё равно тронул её с предельной осторожностью, будто от одного прикосновения можно было снова сделать больно. Нос защипало — слёзы подступили.

Он столько лет ненавидел… а теперь вдруг не знал, куда девать эту ненависть. Чжоу Янь не погиб из-за Чэнь Исуня. Может, и метка на его шее вовсе не принадлежала Чэню? Если бы тогда всё не пошло наперекосяк… Если бы лекарство не подвело, разве пришлось бы вырезать железу? А ребёнок… может, не родился бы так рано? Если бы он тогда нашёл в себе храбрость и сказал, что отец — альфа… может, и ребёнок остался бы жив.

Он больше не знал, кого винить. Казалось, в этой истории никто не был по-настоящему виноват. Чжоу Янь ничего не помнил. Он просто… не знал.

Гу Янь мягко стёр его слезу подушечкой пальца. Сказал тихо, почти шепотом:

— Неудивительно, что в первый раз, когда увидел тебя, сердце пошло вразнос.

И Сюй Сяочжэнь не смог больше сдерживаться — слёзы текли без остановки. Гу Янь обнял его, осторожно похлопал по спине, прижал к себе. Дал ещё вина. Не торопил, просто ждал, пока тот сам всё расскажет.

Сюй Сяочжэнь положил подбородок на его руку и начал говорить. Воспоминания срывались с губ, мягкие, уставшие. Но чем дольше он говорил, тем больше всё плыло перед глазами. Бокал выскользнул из пальцев и с глухим «дзынь» упал на пол.

Он понимал что опьянел. И стыдился этого. Такое вино — лёгкое, сладкое, почти компот. А он

уже не держится. Боялся проболтаться, сказать что-то, что снова ранит их обоих. Поэтому замолчал.

Он не знал, что Гу Янь выжидал почти месяц. Его терпение было на исходе. Он хотел его до дрожи. Хотел проглотить, впитать с кожей — вкус того времени, вкус прошлого.

Он ведь специально выбрал джин, со сладкой, обманчиво лёгкой ноткой. Такой коктейль пьётся легко, почти как сок. Но достаточно одного бокала, чтобы кто-то с низким порогом уже потерял контроль.

Сюй Сяочжэнь держался хорошо. Не буянит, не болтает. Просто чуть прищурен, взгляд цепляется за него, но в теле уже нет воли.

Он всегда был с пониженной температурой тела, но теперь, согревшись от алкоголя, стал тёплым и податливым. В руках Гу Яня он будто растаял — без костей, без сопротивления. Как хочешь — так и верти.

От Сюй Сяочжэня пахло кокосом и апельсином — так, что хотелось прижаться ближе, вдохнуть глубже. На вкус он, казалось, был ещё лучше.

Гу Янь погладил его щёку, пальцами повернул подбородок, усадил к себе на колени. Тот сразу, без лишних слов, обнял его за шею и сам потянулся к губам.

Такой податливый, такой послушный. Гу Янь чувствовал, как в нём нарастает голод. Он хотел пробовать его медленно.

Их губы сначала просто касались — мягко, будто пробовали. Потом Гу Янь сжал его подбородок:

— Открой рот.

Сюй Сяочжэнь кивнул и тихо открылся: между белыми зубами виднелся влажный, розовый язык. Гу Янь усмехнулся, чуть притормозил:

— Не так широко. Язык покажи.

И он снова послушался — медленно высунул кончик. Такая покорность доводила до мурашек. Гу Янь больше не сдерживал себя: притянул его ближе и поцеловал — по-настоящему, яростно. Губы, язык, дыхание — он будто хотел вобрать его всего, до последнего кусочка. Горячие ладони нырнули под рубашку, сжали талию, скользнули к плечам — он буквально вжимал Сюй Сяочжэня в себя, как будто хотел вплавить в собственное тело.

Спустя какое-то время Сюй Сяочжэнь прошептал, ослабев:

— Язык онемел…

Он тяжело дышал, губы припухли, глаза потускнели. Маленький розовый язычок всё ещё выглядывал наружу. Он растёкся в его объятиях, беззащитный и покорный.

Гу Янь легко подхватил его на руки и понёс в спальню.

Он сам не понял — то ли стал сильнее за эти годы, то ли Сюй Сяочжэнь слишком исхудал. На руках он казался почти невесомым — как лист бумаги. Один порыв ветра — и унесёт.

На кровати Сюй Сяочжэнь будто утонул. Он смотрел в потолок, на хрустальную люстру — красивая, мерцающая, наверняка дорогая. Он даже не заметил, как Гу Янь начал расстёгивать его рубашку.

Под рубашкой — старая хлопковая майка, купленная когда-то на развале. Обтягивала худое тело, плотно обрисовывая ключицы и тонкую шею. Чистота, почти невинность — и при этом в ней было что-то вызывающе притягательное, словно вещь, которую хочется разорвать.

Раньше Гу Янь считал эту майку безвкусной. Сейчас — дышал всё чаще, тяжелей. Руки гладили белую кожу, губы ловили всё, до чего могли дотянуться.

Он вкушал его, как лакомство, как изысканный десерт, который нельзя проглотить сразу — нужно пробовать каждый уголок, каждый изгиб. Губы, зубы, следы — вся кожа Сюй Сяочжэня усыпана тёплыми, влажными, красноватыми метками. Всё выглядело болезненно красиво, с какой-то хищной чувственностью.

А потом он навалился на него и вошёл. Сюй Сяочжэнь, кажется, почувствовал боль — из груди вырвался всхлип. Он вцепился в него, обнял крепко, прижался к мускулистому плечу. Пот с тела Гу Яня капал ему на кожу, растекался, смешивался с запахом, будто он размазывал по нему свою сущность.

И мысль об этом только подстегнула Гу Яня: движения стали резче, грубее — как будто он пытался забрать его навсегда, до последнего вздоха. В порыве желания он инстинктивно откинул, прилипшие ко лбу волосы Сюй Сяочжэня и потянулся к его шее — туда, где должна быть железа. Хотел вонзиться, впрыснуть феромоны, заполнить его собой изнутри.

Но… ничего.

Там, где должна быть железа, зиял уродливый, грубый шрам — шириной в три пальца.

Сюй Сяочжэнь плакал. Целое море слёз нависло над ним. И вдруг, сквозь это море, он протянул руки, прижал его лицо к себе и, совершенно невинно, чисто, как в детстве, поцеловал его в лоб — и сквозь рыдания прошептал:

— Чжоу Янь… я так скучал по тебе…

http://bllate.org/book/14462/1279148